АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

ПАМИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Т. Г. Абаева

ИССЛЕДОВАНИЯ А. В. СТАНИШЕВСКОГО (АЗИЗА НИАЛЛО) О ПАМИРЕ

Имя Андрея Владимировича Станишевского хорошо известно советским афгановедам. Из Москвы и Ленинграда часто приезжают к нему востоковеды познакомиться с его великолепными материалами, собранными в течение не одного десятка лет, по различным вопросам востоковедения или познакомиться и побеседовать с ним. Часто такие беседы не укладываются в «рабочее время», а продолжаются несколько дней. Удивительный интерес, жадность к новым людям, к их замыслам, исканиям — характерная черта Андрея Владимировича. Особенно щедро ученый делится своими знаниями с молодежью. У него всегда можно получить самую высокую и квалифицированную консультацию по многим вопросам, связанным с историей Средней Азии и зарубежным Востоком. Станишевский является для нас, ташкентских востоковедов, «духовным отцом». Его питомцы — Узбек Рустамов, Азат Шамансурова, Тамара Абаева по праву считают себя его учениками. Много от А. Станишевского получил и видный востоковед Н. А. Халфин.

Всех друзей ученого — старых и новых — поражает А. В. Станишевский своей памятью, а хранит она многое — события первых лет установления Советской власти в Туркестане, встречи с учеными-востоковедами — А. Крымским, С. Ольденбургом, А. Семеновым и др.

Одной из центральных тем, к которой Станишевский с перерывами обращался в течение всей жизни, была тема Памира.

1922 г. в Ферганской долине выдался тревожный. Повсюду бродили басмаческие банды, но басмачество уже переживало пору разложения. Вожаки ссорились между собой, претендуя на главенство, и между отдельными бандами то и дело происходили столкновения. Упорная борьба разгорелась между двумя главарями — Исламкулом и Муэддином. Грызня ослабила обе банды, и 10 июня командование Ферганской группы советских войск начало операцию против шайки Муэддина в районе Оша. В субботу 17 июня передовые советские части настигли в горных ущельях банду, и в течение недели продолжались изматывавшие басмачей стычки. Муэддин отошел в Алайскую долину, думая там пополнить свою потрепанную банду людьми.

Еще шли бои, когда в Ташкент были вызваны два работника вновь организовавшихся Экономических совещаний (ЭКОСО) — Абдумалик Ардабьев и Андрей Станишевский. Оба они прибыли в Туркестан незадолго перед этим из Киевского Военного округа [1].

[1] 18 мая 1922 г. Центральный Комитет РКП(б) принял по докладу И. В. Сталина постановление о положении дел в Туркестане и Бухаре, где басмачество еще представ-

Прибывших командиров принял заместитель председателя Туркестанского Совнаркома Николай Антонович Паскуцкий, один из героев гражданской войны в Туркестане, возглавлявший в свое время Реввоенсовет Закаспийского фронта, и предложил им работу в системе организовавшихся тогда Экономических совещаний.

В дневниках А. Станишевского сохранилась запись беседы с Н. Паскуцким, дающая ключ к тому, какими методами проводилась борьба с басмачеством.

«Я сам, было, свыкся с мыслью о том, что стал военным человеком,— сказал, улыбаясь своим удивленным собеседникам, Николай Антонович Паскуцкий. — А вот партия поставила меня на новый боевой пост: председателем Экономического совета Туркестанской республики. У военных большой организационный опыт, да и по примеру Украины вы сами знаете, что налаживание хозяйства помогло ликвидировать политический бандитизм еще в большей мере, чем действия вооруженных сил. Поэтому я и предлагаю всем подумать насчет работы в Экономсовещаниях...»

Так Ардабьев и Станишевский оказались на работе в органах ЭКОСО. Им поручено было собрать материалы об экономическом положении Алайской долины и Восточного Памира, охваченных басмачеством. Напутствуя Станишевского, Н. А. Паскуцкий знал о том, что его собеседник — востоковед, совмещавший военную службу с учебой в институте внешних сношений, где одним из руководителей был в то время известный ученый А. Е. Крымский.

«Коль у вас есть такая подготовка, — обрадовался Паскуцкий, — соберите материалы о пережитках родового деления у киргизов, а заодно поинтересуйтесь религиозными воззрениями киргизов и выходцев с Западного Памира, живущих в Оше. Говорят, что там пустила корни секта исмаилитов, глава которых в большом почете у английских политических органов в Индии».

Задание было очень интересным. Из лекций по суфийской литературе, прочитанных А. Крымским в Киеве, А. Станишевский был немного знаком с историей дервишеских мусульманских орденов. Именно они насаждали религиозный фанатизм среди киргизов, ранее весьма равнодушно относившихся к вопросам веры.

Киргизы считались мусульманами, но по статистике еще во времена царской администрации на всю Южную Киргизию почти до начала XX в. не было ни одной мечети. Потом в горах появились ишаны дервишских орденов Кадырия и Накшабандия. Пугая простодушных чабанов муками ада, уготовленных тем, кто не выполняет пяти священных заповедей ислама, ишаны привлекали мюридов, становившихся на путь дервишеского послушания. Правда, большинство из этих новообращенных учеников свою преданность вере предпочитали доказать тем, что жертвовали своим духовным учителям барашка или объемистый чувал шерсти. «Ишан молитвы все знает, а мне, неграмотному чабану, легче вырастить барашка, чем приобщиться к мудрости писания» — так рассуждало большинство киргизских мюридов, и это вполне устраивало их духовных наставников. Но для того, чтобы вера держалась, надо было

ляло собой заметную силу. Вскоре по решению Реввоенсовета Киевского военного округа группа командиров разных специальностей была направлена в Туркестан. В этой группе были Ардабьев и Станишевский. Ардабьев командовал Военно-дорожным отрядом на Украине, и в этом отряде начал военную службу шестнадцатилетний юноша Андрей Станишевский.

Ардабьев, по происхождению касимовский татарин, хорошо владел киргизским и узбекским языками.

насаждать и мечети. Так шел процесс завоевания исламом горных ущелий Южной Киргизии.

А в Оше и прилегающих к городу кишлаках оказалось немало исмаилитов. Западный Памир был нищим краем. Ежегодно десятки людей шли на отходные работы в Ферганскую долину, где развивавшееся хлопководство требовало много рабочих рук. Было два маршрута, по которым текли толпы ищущих заработка. Многие шли из Рушана, Язгулема и Ванча через Каратегин, пересекая горный хребет по пути в Фергану перевалом Гадай-джулы. В переводе это название значило «Тропа нищих». И это действительно было так. Второй маршрут из Шугнана, Ишкашима и Вахана пролегал возвышенными нагорьями Восточного Памира.

В предгорьях, на подступах к Памиру, располагался старинный город Ош, и там оседала первая волна выходцев из Западного Памира, который был еще известен и под названием Горный Бадахшан. Были в ошской колонии бадахшанцев выходцы из Западного Бадахшана, оказавшегося с 80-х годов XIX в. под властью афганцев. Среди этой прослойки попадались люди зажиточные. Последний бадахшанский мир (правитель) Джахандар-Шо бежал в годы смут, предшествовавших завоеванию Бадахшана афганцами, в Ферганскую долину. С ним бежали приближенные, слуги, джигиты, состоявшие у него на службе. Все они осели — кто в Оше, кто в Уч-Кургане или Исфаре, в местах, напоминавших по своей природе их родину. Они поддерживали связи с Бадахшаном; те, кто хорошо устроился, выписывали даже родню, переезжавшую со всем скарбом и оседавшую на постоянное жительство в Оше. Среди них попадались грамотные, оставившие записи о своей родине. Живший в Оше Мирза Фазль Али-бек составил даже историческую хронику, дополнившую «Историю Бадахшана» Муллы Мухаммад Санг Бадахши, бадахшанского историка конца XVIII — начала XIX в.

О хронике Фазль Али-бека рассказывали все выходцы из Бадахшана, но найти ее тогда не удалось. Оказалось, что рукопись была увезена в Шугнан к исмаилитскому ишану Сеид Юсуф Али-Шо, который приходился родней наследникам последнего бадахшанского правителя.

В киргизских кочевьях поиски Станишевского оказались удачнее. Ему удалось познакомиться с внуками знаменитой Алайской царицы, последней независимой правительницы южных киргизов Курманджан додхо. Ее внуки Джемшид-бек и Кыдыр-бек были известны Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Кадыр-бек за свои боевые подвиги в борьбе с басмачами был награжден боевым оружием и орденом Красного Знамени. Джемшид-бек по своему характеру был менее склонен к боевым подвигам, но зато славился грамотностью и начитанностью, пользуясь благодаря этому влиянием не меньшим, чем его доблестный брат. Джемшид-бек любил вечерами, когда кончалась дневная страда, рассказывать предания киргизских племен, и здесь впервые Станишевский услыхал о грандиозной эпической поэме киргизов — «Манас».

Прежде господствовало мнение, что «Манас» бытует только в виде поэмы, исполняемой певцами-манасчи. Однако, по словам Джемшид-бека, среди киргизов-пастухов Припамирья и Южной Кашгарии сохранились прозаические варианты «Манаса», принявшие форму сказок. Эти сказки нанизывались одна на другую в такое же бесконечное повествование, как и грандиозная поэма. Один из пастухов Джемшид-бека происходил из Канджута, маленького княжества в Северо-Западной Индии. Канджут и соседние горные области южного склона Гиндукуша населял загадочный небольшой народ — буришки, язык которых не имел

родства ни с одним из известных современных языков мира. Соседство с киргизами привело к некоторым лингвистическим заимствованиям. Одно из этих заимствований, сообщенное пастухом Джемшид-бека, оказалось очень любопытным. Слово 'манас' вошло и в канджутский язык. Означает оно 'длинное повествование', подчеркивая, что среди киргизов, живших по соседству с буришками, 'манас' встречается не в форме поэмы, исполняемой певцами, а в форме прозаического повествования. В долгие зимние вечера чабаны, не наделенные талантом исполнения сложных поэм «Манаса», рассказывали эти сказки, в которых отражалось миросозерцание простых пастухов.

На Восточном Памире А. В. Станишевскому удалось записать сведения не только о «Манасе», но и получить информацию о деятельности английского консула в Кашгаре Эсертона, который в то время частенько наведывался на Восточный Памир. Английский консул созывал басмаческих курбашей и родовых старшин, раздавал им оружие, призывал создавать новые банды и уговаривал совершать грабительские набеги даже на Ферганскую долину. Южнее, на озере Сасык-куль, караульщик почтовой юрты Супи рассказал А. В. Станишевскому и о других гостях. В 1918 г. от английского полковника Смита из форта Гильгит приезжал офицер, неплохо говоривший по-киргизски. Он расспрашивал о маршрутах через Памир в Фергану, обещал, что англичане этим путем будут снабжать оружием басмачей Ферганской долины.

То, что рассказал караульщик Супи на озере Сасык-куль и крупный родовой старшина каракульских киргизов Джутанкибай, не уместилось в толстой общей тетради. Запись эта была скорбной: сколько людей погибло от рук басмачей, вооруженных подполковником Эсертоном, сколько было ограблено кочевников, сколько банд прошло по тропам Восточного Памира и Алая, неся смерть в кишлаки Ферганской долины.

Джутанкибай рассказал о том, что когда его юрта осенью 1919 г. стояла в Алайской долине, у него останавливались гонцы эмира бухарского, отправлявшего тревожные письма подполковнику Эсертону с просьбой принять на хранение эмирские сокровища. Предчувствуя скорое падение, эмир тайком хотел переправить свои сокровища английским друзьям и покровителям.

Эсертон сам приезжал к Джутанкибаю, интересуясь, сколько можно найти верблюдов и вьючных лошадей на Восточном Памире и у алайских киргизов. Оказывается, подполковник намеревался в конце 1918 или в начале 1919 г. начать вывоз запасов хлопка, скопившегося в Ферганской долине.

Джутанкибай хорошо знал край. Из Кашгарии, отделенной от Индии мощными хребтами, хлопок вывезти нельзя. Многие вершины Каракорумских гор превышают 7500 *м*. Почти на всех перевалах лежат вечные снега, и верблюды одолеть их не могут. Караваны косматых горных лошадок привозят только такие товары из Кашмира, которые можно уложить в небольшой вьюк. Еще чаще кашмирцы переправляли товары так, как не перевозят нигде в мире. Рослого кашмирского барана завьючивали вьюком в полпуда весом. Это в двенадцать раз меньше лошадиного вьюка и в тридцать раз меньше верблюжьего. Стадо таких завьюченных баранов перегоняли через самые высокие перевалы. Много товара, однако, так не перевезешь, и Джутанкибай спросил английского консула, зачем он хочет вести хлопок в Кашгар, если дальше оттуда в Индию его отправить нельзя. Эсертон на это ответил, что ему отпустили много денег для скупки хлопка, только бы этот хлопок не достался большевикам.

Рассказав об этой встрече с Эсертоном, Джатанкибай добавил:

«Я потом понял, почему басмачи поджигали в Ферганской долине хлопкоочистительные заводы и бунты собранного хлопка: англичане за это заплатили им золотом».

Тропическая малярия заставила Станишевского покинуть Туркестан. Он вернулся в Киев и после выздоровления в конце 1923 г. стал приводить в порядок свои полевые записи об исмаилизме, сделанные в Оше во время встреч с жившими там выходцами из Шугнана и афганского Бадахшана. В это время Станишевский заведовал губернским лекторским бюро Губполитпросвета. Бюро помещалось в здании первого в нашей стране Дома Коммунистического просвещения, в создании которого деятельное участие принимал сам Станишевский. Дом Коммунистического просвещения помещался в здании бывшего Педагогического музея на Большой Владимирской улице. Напротив находилась Украинская Академия наук, где пост непременного секретаря занимал А. Е. Крымский, которого Станишевский считал своим первым наставником в области востоковедения. Вот что вспоминает Станишевский о киевском периоде жизни:

«Еще до поездки в Туркестан, во время лекций А. Е. Крымского по истории культуры Персии, я услыхал взволнованный рассказ о замечательной средневековой энциклопедии „Ихван-ас-Сафа" („Братство верных друзей"). А. Е. Крымский считал, что эта энциклопедия оказала огромное влияние на развитие философии в Западной Европе. Центром, где создавалась энциклопедия, был город Басра. Уже в X в. энциклопедия была привезена в Испанию. Несколько позже один из крупных философов Испании раввин Калонимос перевел отдельные трактаты на древнееврейский язык. В предисловии к своему переводу Калонимос писал: «Здесь говорится обо всех науках, какие только существуют на земле, о всех материях, про которые писано людьми; изложение идет в виде повествований, рассказов, выраженных мнений и доказательств; последних, впрочем, мало, ибо в эту энциклопедию прямо внесено то, что в течение многих веков и до наших дней признается за верное кем-нибудь из древних и новых философов по поводу вещей, бывших предметом их исследований. Составителями энциклопедии было целое общество ученых людей, славных между народами колена Исмаилова, а если их имена не известны, то это потому, что по поводу религиозных учений здесь высказываются неудобные суждения» [2].

Крымский считал, что «Братство верных друзей» было тайным обществом, основанным исмаилитами. В беседах А. Е. Крымский часто говорил о том, что исмаилизм является синкретической религиозной системой, пытавшейся соединить в своем учении религиозные воззрения доисламского Ирана, манихейства и переднеазиатского гностицизма. Забегая вперед, заметим, что академик С. Ф. Ольденбург видел в исмаилизме очень сильные следы буддизма, привнесенные в ту пору, когда буддизм, оказывая огромное влияние на Византию, сумел заставить христианскую церковь канонизировать Будду в качестве христианского святого. Рассказ о Бодисатве Гаутаме превратился в «Житие царевича Иосафа».

Крымский также не исключал влияний буддизма и индуизма на исмаилизм, что наиболее рельефно проявляется в учении о переселениях душ у памирских исмаилитов.

Наибольшим было влияние на исмаилизм манихейства. Профессор Ф. И. Шмит, искусствовед по специальности, с которым А. В. Стани-

---

[2] Приведено по стенографической записи со слов А. Е. Крымского, ссылавшегося на французский перевод Сильвестра де Саси.

шевский часто встречался работая в Киеве, был глубоким знатоком манихейства, хотя, насколько известно, о манихействе никогда и нигде не писал. Манихейство было увлечением Ф. И. Шмита, причем он этому увлечению порой отдавал времени больше, чем прямой работе в области искусствоведения. Однажды, весной 1924 г., Федор Иванович для старшекурсников Киевского Археологического института прочел импровизированную лекцию о возникновении и развитии манихейства. Сам Мани — основатель учения — родился в начале III в. н. э. неподалеку от Ктесифона. Его настоящее имя не известно, и только в некоторых трудах христианских богословов, яростных противников манихейства, оно сохранилось в искаженной форме «Курбик». Отец Мани принадлежал к общине последователей Зердушта (Заратустры), но затем примкнул к арабской секте Мандеев. Мани смолоду проявил талант живописца, и отец отправил его в Нижний Египет, чтобы он обучился искусству портретной живописи. Там Мани познакомился с учениями гностиков и, по-видимому, примкнул к ним. Затем он, по одним преданиям, вернулся на родину и подвергся гонениям, заставившим его удалиться на Восток. По другой версии, Мани, будучи страстно преданным искусству, уехал в Китай, чтобы ознакомиться с живописью китайских мастеров. К 238 г. н. э. относится известие о начале проповеди Мани; именно тогда он принял это имя, означающее «Духовное завершение».

Известно, что Мани путешествовал по Индии, основал ряд общин в бассейне Тарима и других местностях Восточного Туркестана, а потом в эпоху Варахрана опять вернулся в сасанидский Иран. Здесь жрецы начали гонения против быстро распространившегося манихейства, и в 277 г. н. э. Мани был зверски умерщвлен.

Много времени спустя после памятной беседы в Киевском Археологическом институте выдающийся тюрколог С. Е. Малов опубликовал знаменитую «Покаянную молитву», авторство которой приписывается самому Мани. Эта молитва носит заметное влияние переднеазиатских гностических учений. Приведем маленький отрывок:

Богу Зарвану,
Богу Солнцу и Луне, сильному Богу,
И вестникам мы верим,
На них опирались, мы были их послушниками.
Мы были припечатаны в нашем сердце
Четырьмя печатями света.
Первая печать бога Зервана — любовь.
Вторая печать богов Солнца и Луны — вера.
Третья печать пяти богов — страх.
Четвертая печать Вестников — мудрое знание [3].

Так «Покаянная молитва» сводит все к главной основе — Мудрому Знанию, Гнозису. Все это перекликается с учением Василида, воскрешая догму гностицизма.

А отсюда мы бросаем мостик на современный Памир. Исмаилиты говорят, что Бог троичен и первой высшей эманацией его является Акликуль — Мировой Разум, владыка абсолютного Знания. Так мы видим в пережиточной форме трансформацию учения о Гнозисе, дожившего до наших дней в суровых ущельях Памира.

Весной 1926 г. А. Станишевский был переведен в Ташкент и здесь принял непосредственное участие в работе ташкентских востоковедов. К тому времени окреп Восточный факультет Среднеазиатского Государ-

[3] Перевод «Покаянной молитвы» приводим в редакции А. В. Станишевского по уйгурскому тексту книги С. Е. Малова [4, 118].

ственного Университета. В этом немалая заслуга принадлежала Уполномоченному НКИД в Узбекистане А. А. Знаменскому, одному из ярких представителей старой большевистской гвардии. Особенно плодотворной была деятельность Знаменского в те годы, когда он одновременно занимал пост ректора Среднеазиатского Государственного Университета, возглавляя тогда же созданное им Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами.

В 1925 г. в издании этого общества вышел капитальный сборник статей о Таджикистане под редакцией профессора Н. Л. Корженевского. В сборнике были помещены ценные материалы по Памиру. В этом же году обществом была организована под руководством Н. Л. Корженевского научная экспедиция на Памир. Материалы этой экспедиции вышли в свет в 1926 г., а по зарубежному Востоку была выпущена такая капитальная работа, как перевод книги Бурхана-уд-Дин-хан-и Кушкеки «Каттаган и Бадахшана» под редакцией, с предисловием и примечаниями А. А. Семенова. Почти одновременно вышли две книги М. С. Андреева: «К материалу по Среднеазиатской керамике» и «Выработка железа в долине Ванча». Принял участие в работах Общества и академик В. В. Бартольд, выпустивший в 1926 г. в изданиях Общества «Исторический обзор Ирана». Огромный интерес вызвало последнее издание этого года — работа А. А. Семенова «К догматике памирского исмаилизма».

Сразу же по приезде в Ташкент А. В. Станишевский восстановил старые знакомства с Андреевым, Корженевским и Семеновым. Один из товарищей по работе А. В. Станишевского Арнольд Дуккур незадолго перед этим вернулся с Памира, где работал по охране государственной границы 1924—1925 гг.

У Дуккура сохранился богатый фотоархив, были собраны интересные этнографические материалы, которыми заинтересовались ташкентские востоковеды М. С. Андреев и А. А. Семенов. По существу, внутри Общества по изучению Таджикистана возникла секция, занимавшаяся изучением Памира. Не один раз у А. А. Знаменского собирались памироведы, к которым присоединялся и Н. Л. Корженевский, лучший знаток географии Памира. По предложению А. А. Знаменского, Станишевский занялся сбором архивных документов. Все свое свободное время проводил Андрей Владимирович в Государственном архиве, разыскивая в его богатейших, тогда еще не упорядоченных фондах документы по Памиру. Именно тогда была найдена папка материалов Дипломатической части при Туркестанском генерал-губернаторстве. В ней оказалось письмо Николая Федоровича Петровского, большого знатока Востока, много лет занимавшего пост Российского Генерального консула в Кашгаре. В 1883 г. по поручению Министерства иностранных дел Петровский составил сводку материалов о Шугнане, основанную главным образом на расспросах купцов, побывавших в Шугнане. Ценность этой сводки заключалась в том, что в нее были включены сведения, полученные Н. Ф. Петровским во время его бесед с последним бадахшанским миром Джехандар-Шо, который бежал из пределов Бадахшана и закончил свою жизнь в кишлаке Учкурган в Ферганской долине.

Большой интерес представляли и документы 1888 г., поступившие от Ферганского военного губернатора. Осенью того же года к Ферганскому военному губернатору явились посланцы Акбар Али-хана, независимого правителя Шугнана. В послании Акбар Али-хан просил о русском подданстве, с тем чтобы Шугнан вошел в состав России. Во время беседы посланцы заявили буквально следующее: «Шугнанское ханство

несколько лет тому назад просило Русское правительство принять народ в русское подданство собственно с тем, чтобы избавиться от подчинения их афганцам, которые, подозревая шугнанцев в сочувствии народа к русскому правительству, жестоко преследуют народ и доводят до крайнего разорения и нищеты: убивают невинных, отнимают жен, насилуют девушек, отнимают имущество, накладывают разорительные подати, забирают в рабство, где погибают безвозвратно или возвращаются лишь опозоренные дочери к разоренным родителям» [7, 133].

Из этого документа становится ясно, что в селении Учкурган Ферганской области в то время существовала колония выходцев из Шугнана и Бадахшана. Посланцы Акбар Али-хана привезли в колонию письма с просьбой оказать содействие и ходатайствовать перед русскими властями по поводу присоединения Шугнана к России. Записи бесед с посланцами Акбар Али-хана представляют большой интерес, поскольку дают ценные сведения об экономическом и правовом положении жителей Шугнана накануне присоединения Памира к России.

К 1888 г. относилась коллекция документов, связанных с путешествием Громбчевского в Припамирье. Тогда этот смелый исследователь совершил большую и трудную поездку: побывал в почти неизвестном в ту пору науке Канджутском княжестве, упорно сопротивлявшемся агрессии английских колонизаторов.

Экспедиция Громбчевского выступила в июле 1888 г. из дарвазского селения Кали-и Хумб, где находилась резиденция дарвазских правителей, возводивших свою родословную к Александру Македонскому. Проникнуть через Шугнан к югу, в Ишкашим, Громбчевскому не удалось.

Через Каратегин и Алтын-Мазар экспедиция очень трудным маршрутом вышла на Восточный Памир, и здесь Громбчевский узнал, что Шугнан захвачен афганцами. В письме на имя Российского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского Громбчевский рассказывал о тех бедствиях, которые обрушились на население Западного Памира. «Занятие Шугнана,— писал Громбчевский,— сопровождалось страшными жестокостями, все способные носить оружие были перебиты, девушки и молодые женщины заполонены, а дети более знатных и влиятельных семейств высланы в Кабул. Население бежало к соплеменникам своим — сарыкольцам, но китайцы выслали сильный отряд под начальством Чжан-Дарина, который безжалостно прогонял беглецов обратно в Шугнан, а афганцы ловили и казнили возвращавшихся».

Документы, найденные тогда А. В. Станишевским в архивных фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, проливали свет на самый малоизученный период истории Шугнана, предшествовавший присоединению Памира к России.

Содержание этих документов вызвало большой интерес членов Общества по изучению Таджикистана. Истории Шугнана была посвящена только одна работа А. А. Семенова, опубликованная в Ташкенте в 1916 году в «Протоколах Кружка любителей археологии». Это был перевод рукописи одного из просвещенных шугнанцев Хайдар-Шо Муборак Шо-Заде, снабженный предисловием, примечаниями и заключением А. А. Семенова. В «Истории Шугнана» совершенно не затрагивалась экономика и социальная жизнь Шугнана, в то время как найденные А. В. Станишевским архивные документы довольно полно освещали именно эти вопросы.

В 1926 г. исполнилось около тридцати пяти лет со времени присоединения Шугнана к России. Предшествовавшая этому борьба шугнанцев за свою независимость против афганских завоевателей, так и

не сумевших укрепить свою власть в Шугнане, была свежа в памяти не только стариков, но и людей зрелого возраста. Поэтому предложение А. А. Знаменского записывать рассказы стариков казалось весьма заманчивым. Проблема заключалась лишь в том, что трудно было найти среди памирских работников человека, обладавшего необходимой подготовкой для таких полевых работ.

В 1928 г. английская разведка усилила свою работу в Средней Азии, направлявшуюся с разведывательных баз на подступах к нашей стране. Важнейшие из этих баз находились в Мешхеде, где подвизались такие знатоки «русского вопроса», как Хамбер и Стевени. Восточным оплотом английской разведки было Кашгарское консульство. Очень важную роль играли две другие базы, находившиеся на территории англо-индийских владений: Гильгитское и Малакандское политические агентства. В районе Ишкашима советский Памир отделялся от территории княжества Читрал призрачной одиннадцатиметровой полоской. Местные жители уверяли, что с вершины перевала Садиштраг в сильный полевой бинокль виден красный флаг, развевавшийся над домиком сельсовета в кишлаке Нюд. По этому маршруту английская разведка пыталась забрасывать своих людей на территорию Памира, а из Гильгита английская агентура могла проникать через Восточный Памир в горные районы Южной Киргизии и далее в Ферганскую долину. Должность Малакандского политического агента занимал в те времена полковник Томсон-Гловер, а его помощником в Читрале был капитан Базиль Вудз-Баллард.

Через Читрал шли в Индию на поклонение своему живому богу Ага-Хану верующие памирские исмаилиты, и приставленные к исмаилитскому читральскому ишану работники политического агентства вели подробнейшие опросы всех останавливавшихся на ишанском подворье богомольцев с Советского Памира.

Летом 1928 г. стала очевидной необходимость пресечь деятельность английской разведки на Памирском участке, и в Хорог для усиления работы по охране государственной границы был отправлен один из старейших чекистов, участник штурма Зимнего дворца в Октябрьские дни 1917 года — А. И. Степанов. Его заместителем был назначен А. В. Станишевский. По своим служебным обязанностям А. Станишевскому пришлось побывать чуть ли не во всех селениях Горного Бадахшана.

Ученые-востоковеды из Общества по изучению Таджикистана, занимавшиеся Памиром, М. С. Андреев, А. А. Семенов, Н. Л. Корженевский разработали обширную программу, которая легла в основу сбора А. В. Станишевским исторических, этнографических и географических материалов о Памире. Народ на Памире очень гостеприимен и приветлив. В каждом кишлаке находились люди, помнившие множество преданий об историческом прошлом Памира, встречались долгожители, державшие в своей памяти события буквально за сотню лет. В Ямчуне нашелся «собеседник из XVIII века» Гулом Наби. По его подсчетам, он родился во второй половине 1206 года хиджры, что соответствовало началу 1792 г. европейского календаря. Память он сохранил удивительную. С необычайными подробностями Гулом Наби рассказывал о событиях начала XIX в., пересыпая повествование народными поговорками. В горах около Ямчуна сохранились развалины древней крепости, и Гулом Наби в течение нескольких вечеров рассказывал предания о том, что в отдаленные времена на месте этой крепости находилась столица правителей сияхпушей.

Мимо Ямчуна шли торговые пути из бассейна Тарима в Бадахшан. Караваны, проходившие по этому пути, пользовались защитой сияхпуш-

ских правителей, но за это приходилось выплачивать немалую дань. Предания рассказывали, что в самом начале мусульманской эры на Западный Памир прибыл с воинством святейший Али, зять самого пророка Мухаммада. Сияхпуши потерпели поражение в битве и отступили через Мунджан на южные склоны Гиндукуша в страну, называемую Катвар. Где находится эта страна, Гулом Наби объяснить не мог, уверяя только, что жители этой страны так и не приняли веру ислама, за что соседние афганские племена прозвали их кафирами или неверными, а страна получила новое название — Кафиристан (страна неверных).

Вместе с младшим сыном Гулома Наби (а этому «младшему» шел девяностый год) А. В. Станишевский поднимался к развалинам Ямчунской крепости, которая господствовала над всей Ваханской долиной. К крепости примыкало обнесенное высокой стеной городище. Тут, по преданию, жили ремесленники. Все эти сооружения относились к самой глубокой древности.

Гулом Наби рассказал предание о том, что посередине городища находился храм, в котором вечно горел огонь, который сияхпуши обожествляли, за что соседние народы называли их «поклонниками огня»— «оташпарастами».

Сейчас долину Вахана населяет небольшая народность, ваханцы, сохранившие специфический язык, входящий в скифо-сакскую группу языков. Он близок к исчезнувшему ныне хотано-сакскому языку, известному по древним рукописям, найденным в районах Восточного Туркестана.

К западу от Ямчуна расположен кишлак Намангут. Об этом кишлаке Гулом Наби рассказывал, будто его жители являются соплеменниками сияхпушей, не успевших уйти со своими сородичами в Кафиристан.

В Намангуте жил большой друг А. В. Станишевского Дод Мамад, тоже хранивший в памяти бесконечное множество преданий о далеком прошлом Горного Бадахшана. Дод Мамад в 80-х годах XIX в. совсем молодым человеком совершил поездку в Кафиристан, чтобы разузнать, действительно ли там обитают народы, родственные жителям Намангута. Из Кафиристана Дод Мамад пробрался в Южный Читрал, в область, называемую Калашгум, жители которого до сих пор сохранили древнюю веру. Дод Мамад рассказывал о своих путешествиях с такой живостью, будто все происходило вчера.

Большой материал был собран А. В. Станишевским об исмаилизме, этой древней религиозной системе, сохранившейся на Памире и в прилегающих горных областях. Исмаилитов возглавлял Ага-Хан, считавшийся воплощением Мировой Души — второго лица исмаилитского пантеона. По верованиям памирских исмаилитов, частицы Мировой Души воплощены были в руководителях общин верующих — ишанах.

В 1928 г. на советской территории проживало 8 ишанов, в Афганистане, Северо-Западной Индии — 19. Не все ишаны были равны по степени влияния и числу своих последователей. Численность мюридов не всегда соответствовала степени влияния. Например, хуфский ишан Шо-Хусейн мюридов имел немного, но слыл человеком очень начитанным и благодаря этому пользовался большим почетом среди верующих.

Наибольшим влиянием пользовался поршневский ишан Сеид Юсуф Али Шо, а его брат Шо-Заде-Мамад считался глубоким знатоком исмаилитской догматики. Его учителем был самый крупный знаток арабской каллиграфии в Бадахшане, и Шо-Заде-Мамад воспринял от своего учителя это искусство. Большинство исмаилитских рукописей, собранных в свое время А. А. Бобринским, А. А. Семеновым, а позже А. В. Станишевским, были переписаны рукой Шо-Заде-Мамада. Часть

переписанных им рукописей попала в европейские книгохранилища. Шо-Заде-Мамад и ишан Сейид Юсуф Али-Шо были обладателями большой, по памирским понятиям, библиотеки. В числе уникальных рукописей, хранившихся у Сеид Юсуф Али-Шо, была «История Бадахшана» Мирзы Санг Мухаммед Бадахши, дополненная Мирзой Фазль Али-беком, бадахшанцем, эмигрировавшим в пределы Русского Туркестана и жившем в г. Ош.

По словам ишана Сеид Юсуф Али-Шо, «История Бадахшана» Санг Мухаммада Бадахши была известна в четырех или пяти списках. Один из них был в Коканде, а остальные оставались в Бадахшане, в городе Файзабаде и Джирме. Мирза Фазль Али-бек довел повествование до 1908 г. Ишан Сеид Юсуф Али-Шо во время своей поездки в Туркестан останавливался в Оше в доме Фазль Али-бека и там познакомился с уникальной рукописью «История Бадахшана». В числе ближайших родственников (по женской линии) у ишана был Абдул Гияс-хан, выступавший с претензиями на роль наследника независимых правителей Бадахшана и Шугнана. Ишан Сеид Юсуф Али-Шо поддерживал такие претензии своего родича и в 1915 или 1916 г. специально посылал своего халифа к Фазль Али-беку, согласившемуся уступить ишану свою рукопись. В 1917 г. ишан Сеид Юсуф Али-Шо попытался провозгласить Абдул Гияс-хана правителем Шугнана и в качестве аргумента, подкреплявшего претензии последнего, ссылался на «Историю Бадахшана», где сообщалось о «державных» родственниках Абдул Гияс-хана. Так рукопись «История Бадахшана» попала на Памир и играла некоторое время даже роль политического документа.

В 1928 г. ишан расстался с этой потерявшей для него значение рукописью, уступив ее с согласия Абдул Гияс-хана А. В. Станишевскому, который был знаком и с Абдул Гияс-ханом. Этот последний потомок бадахшанских и шугнанских правителей жил в старинной крепости на окраине селения Кала-и Вамар.

Держался Абдул Гияс-хан в стороне от общественной жизни, стремясь в то же время подчеркнуть свою лояльность по отношению к Советской власти. В бурные годы после свержения царизма Абдул Гияс-хан отнюдь не выглядел человеком отрешенным от житейских волнений. С первых же дней после того, как на Памир пришло известие о Февральской революции, Абдул Гияс-хан вел себя противоречиво. События на Памире складывались весьма своеобразно. В составе Памирского отряда оказались большевики, и они пользовались большим влиянием среди солдат, избравших их в состав первого комитета Солдатских депутатов. Зауряд-военный чиновник Тихон Назарович Белов, хорошо владевший шугнанским языком, по поручению большевика-солдата Воловика, возглавлявшего Солдатский комитет, вошел в состав избранного в апреле месяце 1917 г. Шугнанского волостного комитета. Этот волостной комитет возглавил один из образованнейших шугнанцев Хайдар-Шо Мубарак-Шо-заде, уже упоминавшийся выше.

8 мая 1917 г. Шугнанский волостной Исполнительный комитет вынес решение, вызвавшее большое смятение в Бухаре.

Дело в том, что Западный Памир считался частью территории Бухарского эмирата. Февральская революция обошла стороной Бухару, и власть эмира фактически даже усилилась. Еще до революции туркестанские генерал-губернаторы шутили: «Самым послушным из уездных начальников в Туркестанском крае является эмир бухарский».

Сразу же после Февральской революции английский консул в Хоросане полковник Грей установил связи с Бухарой, послав к эмиру нарочного с предложением помнить о «добрых соседях англичанах», ес-

ли русские, свергнувшие своего царя, попытаются отстранить эмира бухарского. Получив такую, пусть не официальную, поддержку, эмир попытался вести себя далеко не как «послушный уездный начальник».

Сношение с Бухарой при царизме официально осуществлялось при посредстве бухарского императорского политического агента, который числился по штатам министерства иностранных дел, но полностью подчинялся туркестанскому генерал-губернатору. Февральская революция ликвидировала административный аппарат управления Туркестанским краем, и сношения с бухарским эмиром велись уже непосредственно Петроградом. Бывший тогда министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков посылал непосредственные директивы бухарскому резиденту, как назывался после февраля бывший императорский политический агент. В результате, казалось бы, значение суверенитета эмира должно было возрасти, и вдруг Шугнанский исполнительный комитет где-то в далекой памирской глуши выносит решение, ущемляющее «государственные права» эмира. А это решение было сформулировано предельно лаконично и ясно: «Ввиду смерти исполняющего обязанности Шугнанского бека Мирза Касир Мирахура представителя от бухарского правительства за ненадобностью, вследствие перехода на самоуправление, больше не назначать. Имеющиеся ветхие постройки и один кавш земли Комитет постановил взять в свое пользование» [7, 134].

Постановление подписали Хайдар-Шо и заместитель председателя волисполкома Т. Белов или, как его величали на шугнанский манер местные жители, Тих-Назар. Три других члена волостного исполнительного комитета поставили рядом с этими подписями свои личные печати.

В Бухаре постановление шугнанцев было воспринято как первый сигнал того, что революция не минет и Бухару. Характерно, что российский резидент Чиркин, представлявший правительство Керенского, попытался поддержать домогательства эмира, пытавшегося утвердить свою власть на Памире. В августе 1917 г. дарвазский правитель по поручению эмира вступил в переговоры с начальником Памирского отряда, стремясь добиться его согласия на посылку эмиром в Шугнан нового бека. Одновременно дарвазский правитель установил связи с памирскими феодалами, рассчитывая при их поддержке захватить в свои руки Западный Памир. В начале октября бывший волостной управитель Азиз-хан, считавшийся потомком Александра Македонского и происходивший из династии правителей Шахдары, вместе с двумя крупными исмаилитскими ишанами Сеид Мурсалом и Сеид Махмуд-Шо отправили письмо на имя правителя Дарваза и челобитную на имя бухарского эмира. Они писали эмиру: «Просьба всех молящихся, и всего народа такова: в это благополучное время, по воле божьей, народ стал свободный и склонный к республике. Поэтому, лицо свое в сторону мусульманского царя повернув, в наших несчастьях и разрухе мы надеемся и просим, чтобы Вы распростерли тень ног вашего величества на головы всех нас молящихся и всего народа» [7, 135].

Прошение, адресованное эмиру, повез бывший аксакал Паул Сана, остановившийся на ночевку у Абдул Гияс-хана. Тот, проведав о послании, сообщил о нем доверенному человеку волостного исполнительного комитета Шадманбеку. Письмо было перехвачено, когда курьер заснул. В конверт вложили чистый листок бумаги, а пакет был снова опечатан сургучем, но на этот раз свою печатку приложил Абдул Гияс-хан, и бывший аксакал спокойно повез вместо обращения к эмиру чистый листок бумаги.

Текст подлинного обращения ишанов и бывшего волостного управителя попал в руки Шугнанского исполкома. 24 октября 1917 г. в день, предшествовавший Октябрьским событиям в Петрограде, перехваченные письма были при большом стечении народа оглашены Хайдар Шо на площади в Хороге. Надо сказать, что письма такого же содержания Азиз-хан послал и афганскому хакиму, начальнику смежного пограничного округа. Постановление волостного Исполкома было принято при единодушном одобрении всех собравшихся дехкан. В этом постановлении говорилось: «Сегодня Шугнанский исполнительный комитет обсудил дело Азиз-хана по поводу отказа Азиз-хана от России и написание им писем бухарскому эмиру и в Афганистан. От жестокости этих держав все население Шугнана — и мужчины, и женщины вышли из терпения. Азиз-хан хочет из-за своих выгод предать нас опять в руки афганцев и бухарцев. Он написал от имени народа подложные письма, о которых народ не знает. Комитет постановил, чтобы Азиз-хана из этой области удалили, чтобы он никогда в этой области не жил и чтобы его за измену строгому наказанию подвергли, Комитет просит у Великого русского государства, чтобы этого человека, как изменника народа без наказания не оставили»[4].

Обо всех этих событиях мы знаем благодаря усилиям А. В. Станишевского, так как копии всех упоминавшихся документов первых дней революции Хайдар-Шо бережно хранил у себя и в 1928 г. передал их А. В. Станишевскому, взяв обещание, что документы будут опубликованы в печати, и весь советский народ узнает о верности тружеников-дехкан заброшенного в памирских горах Шугнана, кто под стягом В. И. Ленина боролся за свободу великой страны.

Вскоре против перехода власти в руки народа выступил другой ишан — Сеид Юсуф Али-Шо, который попытался провозгласить в Шугнане независимое ханство, но, несмотря на большой авторитет ишана среди верующих, против него выступили дехкане, организовавшие под руководством Хайдар Шо и Тихона Назаровича Белова отряды самообороны. Ишан понял, что проиграл, и отказался от своей затеи.

Хайдар Шо обладал удивительной памятью. Он рассказывал А. В. Станишевскому об этих событиях (тогда десяти-одиннадцатилетней давности), называя даты, имена, как будто бы все это происходило вчера.

Старейший шугнанский большевик Азизбек Наврузбеков дополнял сведения Хайдар Шо своими воспоминаниями, а судьба у Азизбека сложилась очень интересно. Еще в юности в поисках куска хлеба он ушел с группой таких же бедняков, как и сам, на поиски работы в Ферганскую долину. Добрался до Ташкента и здесь стал рабочим акционерного общества «Бельгийский трамвай в Ташкенте». Глава этого предприятия де Стерк (выступивший потом в 1918 г. в качестве бельгийского консула в Ташкенте) однажды случайно узнал, что среди рабочих есть выходцы с Памира. Де Стерк попытался даже записать тексты на шугнанском языке, но затем быстро остыл и забросил свои лингвистические забавы.

Азизбек после революции сразу вернулся на Памир уже большевиком и здесь принял активное участие в установлении Советской власти. Среди памирцев оказалось вообще немало людей бывалых. Нужда гнала их на заработки, некоторые из них в 1916 г. были мобилизованы на «тыловые работы». Один из памирцев, Бахтияров, побывал даже в Румынии и, будучи человеком очень музыкальным, запомнил даже не-

---

[4] Цит. по подлиннику письма А. А. Семенова, хранящегося у А. В. Станишевского.

которые румынские народные песни. А. В. Станишевский убеждался, что рассказы о вековой изоляции Памира сильно преувеличены. История втягивала Памир в общий круговорот событий, и беднота, познакомившаяся при помощи таких людей, как Воловик и Тих-Назар Белов, с идеями большевиков, самым активным образом участвовала в борьбе с белогвардейцами.

В то же время памирская женщина никогда не покидала пределы своих селений, а ведь женщина воспитывает детей и благодаря этому из рода в род переходили самые архаичные предания, сохранившиеся до наших дней. Так А. В. Станишевскому удалось собрать подробные записи об астральных праздниках, являвшихся пережитком далекой доисламской эпохи. Часть этих записей была опубликована в книге «По горным тропам», но в основном полевые дневники так и остались в рукописи.

Шугнан, Ишкашим и Вахан являются областью древнейшего земледелия. В 1928 г. на Памире побывала экспедиция академика Н. И. Вавилова, обнаружившая в Шугнане древнейшие виды культурных злаков. А. В. Станишевский как раз накануне приезда экспедиции Н. И. Вавилова собирал предания и материалы о возникновении и развитии земледелия. На основе этих преданий вырисовывалась картина развития орошаемого земледелия в горных районах. Отвести горный ручеек при помощи простейшей запруды по силам любому дехканину.

Уверенность в том, что орошение резко увеличивает урожай, привела к тому, что с гор искусственное орошение постепенно стало спускаться в долины. Развитие производительных сил усложняло социальные отношения, возникали зачатки государственности, и это позволяло использовать в большем масштабе рабочую силу для создания ирригационных сооружений. Так, зародившись высоко в горах, орошаемое земледелие спустилось вниз и породило здесь системы великих каналов.

Все эти предания подкрепляли точку зрения Н. И. Вавилова о том, что очаги возникновения культурного земледелия, сохранившиеся древнейшие реликтовые формы, находились также в горах. Такими очагами были, по мнению Н. И. Вавилова, Западный Памир, высокогорье Бадахшана, Кафиристан, Кашмир и горные районы южных склонов Гиндукуша, примыкающие к Памиру. По просьбе Н. И. Вавилова, А. В. Станишевский помог в сборе коллекций семенного материала из районов Северо-Западной Индии. Памир в ту пору был открыт для доступа торговых караванов, привозивших товары из Индии, Афганистана и Восточного Туркестана. Приезжавшие купцы являлись для регистрации товаров в дипломатическое агентство на Памире, а Станишевский по совместительству выполнял обязанности дипломатического агента. Купцов, приезжавших на Памир, он просил привозить крохотные мешочки с образцами семян, помечая, откуда именно взяты эти образцы. Купцам объяснили, зачем это нужно, раздали им готовые мешочки, и в течение года для Н. И. Вавилова была собрана неплохая коллекция семян культурных злаков из областей Южного Пригиндукушья.

Так постепенно расширялся круг вопросов, которыми занимался А. В. Станишевский.

Памир стал второй родиной А. В. Станишевского — здесь он был принят Хорогской городской комячейкой кандидатом в члены партии. Одной из первых общественных нагрузок было создание кружка востоковедения под руководством А. В. Станишевского. Организовать такой кружок предложил старый большевик с дореволюционным стажем, один из ярких представителей ленинской гвардии, председатель областного партбюро в Горном Бадахшане К. А. Моисеенко. При его

помощи кружок востоковедения приступил к сбору фирманов — религиозных указов Ага-хана, духовного главы исмаилитов. В результате удалось ознакомиться с содержанием фирманов и собрать уникальную коллекцию переводов исмаилитских фирманов, равной которой нет ни в одном востоковедческом хранилище во всем мире. Были собраны и редкие исмаилитские рукописи.

В 1930 г. в III томе «Записок коллегии востоковедов» была опубликована шугнанско-исмаилитская редакция «Книги Света» Насир-и Хосрова. Публикацию рукописи, приобретенной на Памире А. В. Станишевским, подготовил профессор А. А. Семенов. Остальные рукописи, с которыми был ознакомлен А. А. Семенов, оказались еще более ценными. Среди них, писал А. А. Семенов, «имеются два очень интересных, проливающих новый свет на источники памирской исмаилитской доктрины» [10, 4].

Осенью 1929 г. А. В. Станишевский уехал с Памира, но летом 1930 г. он вернулся туда, чтобы продолжать начатую работу по изучению исмаилизма. Главным источником, откуда можно было бесконечно черпать сведения о догматике исмаилизма и истории его распространения в Припамирье, были беседы с Хайдар-Шо, Шо-Заде Мамадом и тремя исмаилитскими ишанами: Сеид Юсуф Али-Шо, отошедшим от «политической жизни», Хаджи Бадалом и Шо-Хусейном. Главными помощниками Станишевского в этой работе были окончившие Ташкентский восточный факультет А. П. Востров и коллега А. В. Станишевского по работе Халык Назар Ходжиназаров. Халык Назар был бессменным спутником во время почти всех поездок Станишевского по Памиру. Халык Назар был шугнанцем, хорошо говорил по-русски, прекрасно владел забон и кабули, литературным языком Афганистана, близким к таджикскому языку. Кроме того, Халык Назар неплохо знал пушту и мог объясняться по-вахански.

А. Востров, занимаясь проблемами народного образования, отдавал все свое свободное время изучению исмаилизма. Ему, в частности, принадлежали переводы фирманов Ага-хана и, что было не менее ценным, записи диспутов о догматике исмаилизма. Один из таких диспутов происходил на квартире А. В. Станишевского. Хайдар Шо и Шо-Заде Мамад, о которых мы уже говорили, изложили основы догматики современного памирского исмаилизма, а в качестве их оппонентов выступил Акбар Али, приехавший в Хорог пешаварский купец; он представился вначале как суннитский мулла, но во время второй встречи оказалось, что он является ахмедийским проповедником, прибывшим в Горный Бадахшан по поручению руководителей ахмадийской общины для выяснения, насколько там обстановка благоприятствует ведению ахмадийских проповедей.

На Памире, давнем оплоте современного исмаилизма, вдруг оказалось возможным изучать одну из самых поздних сект ислама. Этим и занимались А. В. Станишевский и его сотрудники.

Весной 1882 г., что соответствовало середине 1300 года календаря хиджры, один из мелких клерков, состоявших на английской службе, Мирза Гулям Ахмед с благословения британских политических органов в Индии объявил о том, что он является долгожданным Мессией для христиан и иудеев, а для мусульман долгожданным Мехди, который должен прийти перед кончиной мира. В опубликованном им духовном указе говорилось: «Я получил откровение свыше и стал посвященным в божественные тайны. Я послан в начале настоящего столетия, чтобы восстановить ислам в его первоначальной чистоте и устранить те противоречия мусульманских сект, которые раздирают на части тело ис-

лама. Вооружившись оружием небесных откровений, я должен разрушить все ложные принципы и принести миру духовное перерождение» [10, 4].

Когда ахмадизм получил распространение в ряде областей Индии, Мирза Гулям Ахмед опубликовал 20 сентября 1897 г. новое обращение к верующим с изложением основных догматов ахмадизма. «Все мои советы,— писал Мирза Гулям Ахмед,— основаны на трех принципах: 1. Молитесь богу, больше всего его любите, бойтесь его, считайте его единым, избегайте грехов и ведите чистую жизнь. 2. Человеколюбие: по мере возможности всем делайте добро или, по крайней мере, проявляйте добрые намерения. 3. Будьте искренними доброжелателями европейского правительства, под покровительство которого нас поставил бог и которое является защитником нашей чести, жизни и имущества. Избегайте всех поступков, которые могут причинить зло и беспокойство Великобританскому правительству» [8а, 176].

Мусульманская секта, окрепнувшая под покровительством британских политических органов, получила четкую управленческую структуру, Назарат-и Ала — Высший Надзор распадался на ряд подчиненных ему органов; среди них были управления призыва и пропаганды, просвещения и воспитания, судебно-следственное управление, издательское и даже специальное управление по устройству банкетов и приему гостей. Но самым важным было, конечно, управление общих внешних дел, куда все проповедники, находящиеся за границей, должны были присылать ежемесячные сводки о политическом и экономическом положении той страны, где они ведут проповедь. Эта мера (весьма удобная для органов британской разведки) объяснялась необходимостью принять во внимание ту среду, в которую падают семена божественного учения Мирза Гулям Ахмеда.

После смерти Мирза Гулям Ахмеда и распрей между его наследниками во главе ахмадийцев встал сын основателя секты Мирза Башираддин Махмуд Ахмед, принявший титул «халифат-уль Масих», или заместитель Мессии. После прихода к власти он обратился со специальным посланием к принцу Уэльскому, объявляя о тех откровениях отца, которые должны были сбыться после первой мировой войны.

«Одно из предсказаний обетованного Мессии,— писал он,— касается России и заключается в том, что правительство этой страны попадет в конце концов в руки ахмадийцев. Другое его пророчество таково: ахмадийское движение в недалеком будущем быстро распространится в Бухаре».

В 20-х годах в Бухару были посланы полномочные проповедники Зухур Хусейн и Мамад Амин-хан. Памир ахмадийцы считали также бухарской территорией и послали туда проповедника рангом пониже — муллу Акбар Али. Книги, привезенные на Памир этим проповедником и вошедшие потом в коллекцию А. В. Станишевского, показывали универсальный характер новоявленной религиозной секты. Вот перечень названий части из них: «Руидади джелсе-и Дуа» («Отчет о молитвенном собрании. Молитва о победе в Трансваале и Доклад его святейшества»), «Тухва-и Кайсара» («Знаменитая императрица», Прославление великой императрицы Виктории и призыв ее к исламу), «Легчари Сиалкот» («Сиалкотские лекции»), в которых его святейшество доказал, что в его лице воплотился сам Кришна, «Кешт-и Нух» («Ноев ковчег») — средство избавления от чумы. В одной из книг, привезенных проповедником на Памир, было помещено достаточно красноречивое воззвание: «О мусульмане! Вставайте и подобающим образом благодарите бога за все благодеяния, отдаваясь делам так, чтобы милости-

вой Британии остался памятник вечный и чтобы она победила злополучную Россию» [8, 188].

В диспуте с Хайдар Шо ахмадийский проповедник потерпел поражение и ему вскоре пришлось покинуть пределы Советского Памира, где население отнеслось к нему в высшей степени недоброжелательно. Ахмадийские проповедники прекрасно помнили, как был встречен в Афганистане ахмадийский проповедник мулла Негматулла, пытавшийся распространять в Афганистане воззвания с призывом покориться британским империалистам, злейшим врагам афганского народа. Согласно постановлению духовного суда Афганистана, мулла Негматулла был казнен публичным побиением камнями.

Мусульманское духовенство Индии и Ирака одобрило казнь английского прислужника, и ахмадийские проповедники стали осторожнее. Видя недоброжелательное отношение простых дехкан, Мулла Акбар Али, чтобы зря не испытывать судьбу, поспешил убраться восвояси. Так безуспешно закончилась попытка ахмадийской проповеди на Памире.

В конце 1931 г. А. В. Станишевский вернулся в Ташкент. В это время начиналась подготовка к строительству Памирского автомобильного тракта, который должен был соединить южнокиргизский город Ош с Хорогом. Несколько раз А. В. Станишевскому в связи с проектами строительства приходилось выезжать в Ош, где начинался уже набор землекопов на строительсто автомобильного тракта. Выходцы из бассейна Тарима считались всегда в Средней Азии лучшими землекопами, и в Оше охотно брали пришедших оттуда отходников. Среди них встречались выходцы из горных районов, где обитали племена шипху, чипан, пахпу, принадлежавшие в своем большинстве к исмаилитам. Входили эти исмаилиты в общины, руководимые главным образом памирскими ишанами, и А. В. Станишевский со слов этих ишанов записал немало преданий, показавших древние связи Памира с бассейном Тарима.

Во время поездки в Ош Андрей Владимирович получил возможность в беседах с выходцами из бассейна Тарима уточнить сообщение памирских исмаилитских ишанов. Результаты порой получались самые неожиданные. Оказалось, что в горах к югу от Хотана и Каргалыка встречаются предания о Сиявуше, перекликающиеся с сообщением Мухаммада Наршахи, написавшего почти тысячу лет назад «Историю Бухары». Сиявуш, по преданиям, сообщенным великим хорезмийским ученым Бируни и Мухаммадом Наршахи, был один из легендарных родоначальников династии Кейянидов, правившей, по преданиям, еще в доахеменидскую эпоху (во II тыс. до н. э.). Предания говорят о том, что Сиявуш был убит легендарным Афрасиабом и похоронен около ворот Гариан в Бухаре. «Бухарские маги,— писал Мухаммад Наршахи в своей „Истории Бухары“ — по этой причине относятся с большим уважением к этому месту; ежегодно, в день Нового года, еще до восхода солнца, каждый мужчина по обычаю закалывает здесь в память Сиявуша одного петуха. У жителей Бухары есть песни об убиении Сиявуша, известные во всех областях. Музыканты сочинили к ним мотив и поют их...»

Ученые, занимавшиеся исследованием мифов о Сиявуше, считали, что область их распространения ограничена пределами Хорасана и Бухары, охватывая также всю долину Зеравшана. И вдруг во время бесед с исмаилитскими ишанами на Памире, а позже выходцами из бассейна Тарима в Оше, А. В. Станишевский обнаружил, что предания о Сиявуше в наибольшей полноте сохранились в Припамирье и в горных районах к югу от Хотана и Каргалыка. Эти предания называют Сиявуша правителем обширной области, охватывавшей территорию от Хотана до Кучара, а на западе доходившей до пределов Памира. Сия-

вуш, также по преданиям, был убит, и в память о его смерти у гробницы Сиявуша, находящейся невдалеке от Хотана, в день весеннего равноденствия или, иначе говоря, в день Нового Года, до сих пор горцы, приезжающие к мазару, закалывают жертвенного петуха.

Ишан Шо-Хусейн, рассказывавший это предание, добавлял, что правивший Иссорской крепостью на Памире Зангибар был родным братом Сиявуша. Третий брат, по имени Барбар, сперва правил городом рядом с Ямчунской крепостью, почему до сих пор развалины носят название «Ша'ар-и-Барбар», город Барбара. Затем Барбар женился на своей родственнице и стал царем государства, лежавшего на перепутьи от Иссык-Куля к Кашгару и Кучару. Предание о древнем городе Барбар в Вахане было опубликовано А. В. Станишевским в книге «По горным тропам», [7, 133] и позже С. Ф. Ольденбург обратил внимание А. В. Станишевского на то, что Н. Н. Пантусовым [9] в 1909 г. была опубликована легенда о мазаре вблизи Уч-Турфана в Кашгарии, возведенного в ознаменование войны зятя пророка — Алия против царя Барбара. С. Ф. Ольденбург подметил очень большое сходство памирской легенды о войне Алия против царя Ка'ахка, брата Барбара, который правил городом рядом с Ямчунской крепостью, с восточнотуркестанской легендой о войне Алия против царя Барбара, называемого правителем Уч-Турфана. В свете этих замечаний С. Ф. Ольденбурга рассказ ишана Шо-Хусейна приобретает особый интерес.

Личное знакомство А. В. Станишевского с С. Ф. Ольденбургом состоялось в Ленинграде осенью 1932 г., но оказалось, что о работах А. В. Станишевского, связанных с изучением Памира, С. Ф. Ольденбург знает из писем М. С. Андреева. Сергей Федорович, в свое время руководивший экспедицией Российской Академии наук в Восточном Туркестане, больше всего заинтересовался сообщениями Станишевского о бассейне Тарима и рассказал о том, что известный исследователь Центральной Азии М. В. Певцов также писал в отчете о путешествии в Кашгарию и Куэньлунь о гробнице Сиявуша вблизи Хотана. Это сообщение осталось незамеченным иранистами, занимавшимися легендами о Сиявуше, из-за старого предубеждения, будто бы область распространения мифов о Сиявуше не простирается восточнее долины реки Зеравшан.

С. Ф. Ольденбург вообще придавал бассейну Тарима очень большое значение в древнейшей истории восточно-иранских племен. Основываясь на показаниях античных источников, по его мнению недостаточно широко использованных В. В. Григорьевым в дополнениях к «Восточному Туркестану» Риттера, С. Ф. Ольденбург полагал, что основная масса сакских племен первоначально обитала в Восточном Туркестане, где были весьма благоприятные условия для развития кочевого скотоводства. Благоприятные предпосылки привели к быстрому росту численности населения, что порождало необходимость расселения племен. По предположениям Ольденбурга, часть из древнейших арийских племен в течение столетий освоила западную часть Тибетского нагорья, спустившись затем в Индию. Это совпало по времени с продвижением основной массы арийских племен через Афганистан в Гумалу и рекам Пенджаба. Часть кочевников-саков через Памир двинулась в Северо-Западную Индию, опустившись к территории Свата и далее к югу — в область Сулеймановых гор. Это были предки афганцев.

«Сергей Федорович говорил, что у него нет веских аргументов для подкрепления такой гипотезы,— рассказывает Андрей Владимирович,— и в то же время жаловался, что востоковеды новой школы не обладают той научной смелостью, которая была характерна, например, для

В. В. Григорьева и помогала выдвигать новые научные гипотезы для дальнейшего, как он говорил, обрастания их фактами. Памиру Сергей Федорович отводил очень большую роль в передвижениях восточноиранских племен из бассейна Тарима на запад и на юго-запад».

Ольденбург очень заинтересовался полевыми записями А. В. Станишевского, всячески настаивал на том, чтобы они были изданы хотя бы в виде кратких путевых очерков.

Под влиянием С. Ф. Ольденбурга А. В. Станишевский приступил к работе над книгой «По горным тропам», которая была закончена год спустя, в 1933 г.

Не меньшую заинтересованность в работе по публикации памирских материалов проявил тогдашний директор библиотеки Академии наук в Ленинграде член-корреспондент АН СССР Иннокентий Иванович Яковкин. С ним А. В. Станишевского связала дружба, длившаяся многие годы. И. И. Яковкин подтолкнул А. В. Станишевского к другой работе, советуя издать набросанную еще на Памире роман-хронику «Так говорят памирские горы». Надо сказать, что в этом литературном произведении было много интересного для востоковедов, в частности описывались неизвестные до тех пор специалистам по исмаилизму тайные исмаилитские ритуалы — дават-и бако и дават-и фано. Иннокентий Иванович познакомил А. В. Станишевского с директором музея истории религии Академии наук СССР известным этнографом Владимиром Германовичем Таном-Богоразом, очень интересовавшимся истоками догматики памирских исмаилитов. По просьбе В. Г. Тана-Богораза Станишевским был составлен для музея большой очерк о современном состоянии исмаилизма.

Весной 1933 г. А. В. Станишевский был переведен по службе в Москву. Здесь по поручению В. Р. Менжинского он принялся за работу над историей басмачества.

В ходе сбора материала стали вырисовываться основные линии связей басмачества с британскими разведывательно-политическими органами. Винтовки, которыми были вооружены басмачи, пулеметы и боеприпасы к ним поступали от щедрых британских покровителей. Центры, ведавшие установлением связи с басмачами, находились в Туркмении, Кабуле, Малаканде, Гильгите и Кашгаре. Уже упоминавшееся Мешхедское генеральное консульство организовывало снабжение басмаческих банд, действовавших на территории Туркмении. Через Туркмению осуществлялась связь с басмаческими бандами, действовавшими в низовьях Амударьи. Кроме того, Мешхедское консульство осуществляло контакты с теми басмачами, которые после поражения на советской территории бежали в Гератскую провинцию Афганистана.

В Кабуле нашли себе приют эмир бухарский и ряд потерпевших военное и политическое поражение басмаческих вожаков Ферганской долины. Все они находились под особым покровительством британского посольства в Кабуле. Англичане попытались даже объединить всех басмаческих вожаков и эмигрантов, создав специальную организацию — «Тахлисо Бухаро ва Туркистан» — «Общество спасения Бухары и Туркестана». Один из английских агентов пытался основать филиал этой организации в административном и хозяйственном центре Северного Афганистана — в городе Мазари-Шарифе.

Щупальца английского посольства тянулись также в административный центр Каттагана — г. Ханабад и областной центр Бадахшана — г. Файзабад. Сюда доставляли торговые караваны под видом необходимых товаров оружие, и басмачи, получая британскую поддержку,

периодически производили налеты на территорию советских среднеазиатских республик.

Важными центрами басмачества оказались малакандское и гильгитское политические агентства. Малакандский политический агент имел специального помощника в Читрале. Под его руководством из подданных правителя Читрала вербовали и обучали корпус читральских разведчиков. Военные топографы вели съемки пограничных перевалов и маршрутов, выясняя степень пригодности горных троп для прохождения вьючных лошадей, всадников и пешеходов. Съемки не ограничивались территорией княжества Читрал. Под видом купцов специально обученные англо-индийские топографы проводили тщательные съемки прилегающей к Памиру афганской территории, совершая в то же время рейды и на советскую сторону Пянджа. Кроме того, читральский помощник малакандского политагента непосредственно руководил деятельностью файзабадской резидентуры, снабжавшей оружием и боеприпасами басмаческие банды Фузаил Махсума и других более мелких басмаческих курбашей.

Басмаческий налет весной 1929 г. на Гарм и на Ванчский район Западного Памира был осуществлен под руководством капитана Вуда-Балларда, помощника малакандского политического агента по Читральскому княжеству.

Гильгитское политическое агентство охватывало огромную территорию, куда входили полунезависимые княжества южных склонов Гиндукуша, лежавшие на подступах к советскому Восточному Памиру и к Восточному Туркестану. В Гильгите также был создан корпус гильгитских разведчиков, который должен был играть роль головных отрядов британской агрессии. Гильгитское политическое агентство должно было обеспечить заброску агентуры через Восточный Памир в Алайскую долину и Фергану. Кроме того, здесь через перевал Мынтеке проходил кратчайший путь на Яркенд и Кашгар. Пользоваться этой дорогой можно было с особого разрешения гильгитского политического агента.

В годы гражданской войны Восточному Памиру отводилась особая роль в подрывной деятельности англичан. По договору, который заключил полковник Бейли с белогвардейским подпольем—«Боевым штабом», ферганские басмачи должны были получать оружие через Восточный Памир. Позже, когда Колчак накануне своего разгрома посылал к туркестанским басмачам миссию полковника Худякова, колчаковский военный министр барон Будберг вел переговоры с британским представителем при ставке Колчака генералом Альфредом Ноксом, настаивая на усилении перебросок оружия через памирские перевалы в Фергану.

Все собранные А. В. Станишевским материалы о месте Памира в английских агрессивных планах вошли в главу «Расчеты и просчеты британской секретной службы», которая должна была открывать книгу, посвященную истории басмачества.

Завершить работу по истории басмачества не удалось. Во время служебной командировки в Ленинград, связанной с поисками английской литературы по теме книги, А. В. Станишевский встретил у академика С. Ф. Ольденбурга Н. П. Горбунова, возглавлявшего тогда Таджикско-Памирскую комплексную экспедицию Академии наук СССР. С Горбуновым Станишевский был знаком с 1931 г.

Осенью 1931 г. А. В. Станишевский со своим большим другом А. И. Степановым возвращался с Памира в Ташкент. Вблизи озера Каракуль сделали дневку каравана, разбив на берегу горного ручья палатку. Под вечер показались всадники. Впереди ехал знакомый по прежним встречам, известный кинорежиссер В. А. Шнейдеров. Спешив-

шись, он огляделся вокруг и спросил разрешения разбить свою палатку по соседству. Тут подъехал второй всадник, и Шнейдеров представил его: «Управделами Совнаркома СССР и глава экспедиции, изучающей Памир, Николай Петрович Горбунов».

За чаем в палатке возникла беседа, затянувшаяся до самого утра. Горбунов расспрашивал «памирцев» — А. И. Степанова и А. В. Станишевского о Памире, рассказал сам много любопытного и особенно запомнившуюся А. В. Станишевскому историю личных встреч с крупнейшим русским художником Н. К. Рерихом. В дневниках В. А. Шнейдерова сохранилась запись об этой встрече под шутливым названием: «Ночь в Особом отделе».

Новая встреча А. В. Станишевского и Н. П. Горбунова произошла в Ленинграде в кабинете С. Ф. Ольденбурга. Горбунов пожалел, что не присутствует В. А. Шнейдеров, который сумел бы дать какой-нибудь запоминающийся заголовок описанию неожиданной встречи в доме ученого с мировым именем. Узнав, что Станишевский работает в Москве, Горбунов предложил ему включиться в деятельность Таджикско-Памирской экспедиции. Предложение Горбунова поддержали С. Ф. Ольденбург и директор библиотеки АН СССР И. И. Яковкин, который руководил составлением библиографии о Памире и систематизацией ранее собранных материалов об этом крае.

Заручившись согласием А. В. Станишевского, Горбунов по возвращении в Москву переговорил с В. Р. Менжинским. В этот же день А. В. Станишевский был прикомандирован к Таджикско-Памирской экспедиции и назначен начальником Особой партии; в ее задачи входил сбор этнографических материалов, исмаилитских рукописей, запись преданий по истории Горного Бадахшана, сбор и систематизация архивных материалов.

Для окончательной выработки плана предстоящих работ А. В. Станишевский по поручению Н. П. Горбунова подробно проконсультировался у С. Ф. Ольденбурга и И. И. Яковкина.

С. Ф. Ольденбург просил обратить особое внимание на вопросы, связанные с догматикой исмаилизма.

Судя по некоторым средневековым источникам, в Вахане и Ишкашиме в средние века процветал буддизм. В смежных с Памиром районах бассейна Тарима даже в послеисламский период сохранялись сильные манихейские общины. Сергей Федорович Ольденбург не допускал мысли, чтобы такие стройные идеологические системы, как буддизм и манихейство, исчезли, не оставив следа в религиозных воззрениях жителей Западного Памира. И действительно, А. В. Станишевским были собраны материалы, говорящие о том, что буддийские представления о переселении душ оказали несомненное влияние на верования памирских исмаилитов. Еще более заметны следы манихейства в исмаилитской догматике. Удачными оказались и поиски исмаилитских рукописей. Были обнаружены новые неизвестные до тех пор списки, и все они вместе с ранее приобретенными рукописями, в том числе и «Тарихи Бадахшан», были после окончания работы переданы Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР.

Архивные документы и часть новых материалов об исмаилизме были объединены в общий сборник. Пятьдесят документов касались вопросов истории Памира. Среди этих материалов выделялись записи Н. Ф. Петровского о Шугнане, протоколы Особого совещания по Памирскому вопросу весной 1892 г., отчеты о двух поездках драгомана политического агента в Бухаре барона Черкасова на Памир в 1904—1906 гг.; ценные сведения об экономике Западного Памира, собранные в начале

XX в. А. Снесаревым, и ряд документов по истории революции в Горном Бадахшане. Двадцать два документа в этом сборнике посвящено исмаилизму. Среди них уникальная коллекция переводов одиннадцати фирманов Ага-хана. Устав общины панджабаев — секты, образовавшейся внутри исмаилизма, сведения о догматике памирского исмаилизма и перечень всех исмаилитских ишанов Горного Бадахшана, Афганистана, Восточного Туркестана и Северо-Западной Индии. Общий листаж этого сборника — около 16 печатных листов. Сборник остался неизданным и хранится только в рукописном виде в Архивном отделе в Хороге, в Институте истории и археологии АН Таджикской ССР, в ЦГА УзССР и у академика Б. Г. Гафурова. К сожалению, куда-то пропал экземпляр, сданный в свое время Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР. Еще более печальной оказалась участь сводного отчета о работе, проделанной во время последней служебной поездки А. В. Станишевского. Там были записи бесед с Хайдар-Шо Мубарак Заде и Додо Худо Кадам Шо-Заде по истории Шугнана и Вахана, записи преданий, сообщенных Шо-Заде Мамадом и Яфтали Мастик Заде из Ямчуна о сияхпушах на Памире и связях Горного Бадахшана с Кафиристаном, записи бесед с ишанами Шо-Хусейном и Сеид Юсуф Али-Шо о преданиях, слышанных ими в Сарыколе и Каргалыке; эти предания рассказывали о давних связях Припамирья с бассейном Тарима и проливали новый свет на такие явления, как близость языков хотано-сакского с ваханским, мунджанским и пушту.

Сводный отчет был составлен примерно на двадцати печатных листах и взят Н. П. Горбуновым для перепечатки. Трагический конец Горбунова даже не дал возможности выяснить, куда затерялась рукопись. Памятью о проведенных работах остались только полевые записи в дневниках А. В. Станишевского.

Часть этих материалов была использована позже при написании А. В. Станишевским новой повести о Северо-Западной Индии: «Страна затерянных гор», увидевшей свет в 1935 г.

Материалом для первых глав этой повести послужили сведения, сообщенные Дод Мамадом из кишлака Намангут, Яфтали из Ямчуна и Зурабеком, сыном Наврузбека, из кишлака Намангут. В 1889 г., когда афганцы после усмирения восстания Исхак-хана усилили натиск на горные районы Памира, житель Намангута Новрузбек выехал в Кафиристан, жители которого упорно боролись с афганцами за свою независимость. Жители Памира рассчитывали найти в Кафиристане союзников, и, чтобы подчеркнуть исконные связи Южного Памира с Кафиристаном, Новрузбек собрал все рукописи, в которых содержались старинные предания о том, что жители Намангута представляют собой потомков сияхпушей, будто бы владевших в древности районами Вахана и Ишкашима.

Зурабек, со слов своего отца Наврузбека, Дод Мамад и Яфтали, по собственным наблюдениям, сообщили много ценных сведений, раскрывающих религиозные представления сияхпушей накануне покорения Кафиристана афганским эмиром Абдуррахман-ханом.

Яфтали и особенно Дод Мамад побывали в горных гиндукушских княжествах Северо-Западной Индии, и их рассказы легли в основу глав повести, рисующих жизнь Читрала и Ладака.

Еще ранее, в 1934 г. А. В. Станишевским была начата повесть о Памире «Подножье Солнца». Материалом для эпизодов, освещающих жизнь Шугнана накануне присоединения Памира к России, были рассказы Ходжи Назара, отца ближайшего постоянного сотрудника А. В. Станишевского во время работы на Памире Халык Назара.

Повесть «Подножье Солнца» была опубликована в конце 1934 г. в журнале «Просвещение национальностей» в Москве.

Последняя поездка по Памиру подорвала здоровье А. Станишевского, сказались и прежние ранения. В конце 1933 г. он по состоянию здоровья демобилизовался, всецело посвятив себя литературной и востоковедческой работе. Перед этим в издании САОГиз вышло две книги А. В. Станишевского (под псевдонимом Азиз Ниалло): «По горным тропам» и роман-хроника «Так говорят Памирские горы». Еще раньше в журнале «Советская литература народов Средней Азии» был опубликован ряд работ, посвященных Памиру. Как раз в тот же период (шла подготовка к созданию Союза советских писателей) А. В. Станишевский сблизился с известным поэтом А. Г. Лахути. Вернувшись в Москву на постоянное жительство, А. В. Станишевский снова встретился с Лахути, который при создании Союза советских писателей возглавил организационную работу по национальным литературам. Лахути сразу же привлек А. В. Станишевского к этой работе, и вскоре тот был избран заместителем председателя правления Дома писателей, перейдя затем в Национальный сектор Союза писателей СССР.

Активное участие по созданию новой литературной организации принимал и С. Д. Мстиславский. Советский читатель его широко знал как писателя, автора талантливых книг «Крыша мира», «Грач — птица весенняя» и других художественных произведений, но мало кто знал, что фамилия Мстиславский является псевдонимом, а до этого он носил фамилию Масловский. Как востоковед и антрополог С. Д. Масловский был хорошо известен не только в России, но и за рубежом. Его труд «Гальча (первобытное население Туркестана)», опубликованный в 1901 г. в «Русском антропологическом журнале», № 2, кн. VI, был основан на результатах пяти научных экспедиций в Среднюю Азию в 1895—1899 гг. и вызвал подлинный переворот в воззрениях на процесс этногенеза народностей Средней Азии.

Основываясь на антропологических данных, С. Д. Масловский (Мстиславский) предлагал искать осколки древних восточноиранских племен на Памире и в Ягнобе, где сохранились архаические языки, входившие в сако-скифскую группу.

Памир оказался тем магнитом, который привлекал научные и художественные интересы С. Д. Мстиславского и А. В. Станишевского. Студенты-памирцы, жившие в Москве, нашли себе своеобразных шефов, и в Воротниковском переулке, где жил тогда А. В. Станишевский, образовалось своеобразное памирское землячество во главе с почетным председателем — С. Д. Мстиславским.

Научно-исследовательская ассоциация национальных и колониальных проблем (НИАНКП) по совету Мстиславского заслушала доклад А. В. Станишевского на тему «Об истории заселения Памира». Доклад был встречен с интересом, и ассоциация предложила его автору составить капитальный труд на тему «К вопросу о населении Памира в древности».

К концу 1935 г. работа была закончена, получив в общем положительный отзыв со стороны такого знатока Востока, как А. М. Дьяков; кстати, он тоже был старым памирцем, участником одной из первых экспедиций в Горный Бадахшан, много поработав для укрепления Советской власти на Памире.

А. В. Станишевский практически объездил всю территорию автономной Горно-Бадахшанской области. Его интересовали долины, где прижимались к горным подножьям селения оседлых земледельцев-шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев, язгулемцев. По едва приметным тропам он

преодолевал хребты и перевалы, выясняя пути древних миграций. Богатейшие пастбища, особенно на Восточном Памире, благоприятствовали с глубокой древности развитию скотоводства, и А. В. Станишевский побывал на пастушеских летовках богатейших альпийских пастбищ. Поэтому первая глава работы, сделанной по заданию НИАНКП,— «Географический облик Памира»,— отличалась большой самобытностью. Автор подходил к описанию поверхности с одним критерием: насколько рельеф местности и природные условия благоприятствуют жизни и хозяйственной деятельности человека. Все это было основано главным образом на личных наблюдениях, вплоть до того, что автором были произведены определения высот большого количества перевалов, не нанесенных еще в то время на карту. Опровергая взгляд большинства прежних путешественников, писавших о Восточном Памире как о горной пустыне, А. В. Станишевский подчеркивал, что высокие кормовые качества травостоя на восточнопамирских лугах создавали благоприятные условия для развития кочевого скотоводства.

Глава вторая — «Сношение Востока с Западом» — вытекала из материалов первой главы. Тщательно собрав и обработав расспросные сведения о маршрутах торговых караванов из Бадахшана в Восточный Туркестан, А. В. Станишевский подчеркивал, что пути через Памир для торговых караванов были более удобны, чем, например, путь через Алай и долину Вахша. Вдоль главного торгового пути, шедшего из Бадахшана мимо озера Шива, далее долиной Гунта и через Восточный Памир к верховьям Раскемдарьи, находились развалины древних городищ, где торговые караваны находили приют. Наиболее крупные такие перевалочные базы лежали в центре Восточного Памира и в бассейне Раскемдарьи, сохранив до сегодняшнего дня характерное название: Базар-дара. Предания говорят о том, что по этому направлению с глубочайшей древности совершались и значительные этнические передвижения.

Третья глава — «Население Западного Памира» — содержала разбор многочисленных преданий о сияхпушах и о связях между Шугнаном через долину Шахдары с Ваханом и Читралом. Ценность этой главы заключалась в том, что называемые в преданиях маршруты переселявшихся племен были лично пройдены либо самим Станишевским, либо его сотрудниками.

Глава четвертая — «Население Восточного Памира» — касается в основном судеб восточнопамирских киргизов. Эти материалы позже получили разработку в других трудах А. В. Станишевского. Монография «К вопросу о заселении Памира в древности» осталась в нескольких машинописных экземплярах. Издана она не была, хотя ее использовали исследователи, работающие над смежными проблемами, М. Немченко, А. Зелинский, Т. Абаева.

В 1936—1937 гг., по предложению НИАНКП, А. В. Станишевский совместно с М. А. Немченко начал разработку темы «Этногенез восточнопамирских киргизов». Работа эта переросла первоначально поставленные рамки и вылилась в исследование проблемы этногенеза киргизского народа. А. В. Станишевским были подготовлены (оставшиеся в рукописи) три капитальные работы: «Аннотированная библиография работ по истории киргизского народа и Киргизстана», «К вопросу о времени происхождения киргизского эпоса «Манас» и третья — «Хронология событий, относящихся к истории киргизского народа и Киргизстана (в источниках и документах)».

Первые две работы были обсуждены на специальном заседании бюро Национальных комиссий Союза писателей СССР и встретили под

держку таких крупных специалистов, как С. Е. Малов и К. К. Юдахин. Третья работа получила положительную оценку со стороны академика С. Г. Струмилина, координировавшего в то время научное руководство Киргизским филиалом АН СССР.

Материалы, собранные для выполнения этих работ, были систематизированы А. В. Станишевским в картотеках, посвященных вопросам этногенеза народов Памира и прилегающих областей. Этими картотеками получали возможность пользоваться авторы, работающие над смежными вопросами, например А. Н. Бернштам и др.

Война оторвала А. Станишевского от работы над памирской тематикой. Добровольно уйдя на военную службу, А. В. Станишевский вскоре возвращается снова в Туркестан и, попав в Иран, совершенно неожиданно находит очень интересные материалы, опять наталкивающие на разработку вопросов этногенеза. В свое время академик А. Е. Крымский указывал на то, что парфяне сыграли большую роль в процессах этногенеза народов Северной Индии. Парфяне и саки принадлежали к разным иранским языковым группам, но история этих народов тесно переплеталась между собой. Незадолго до начала нашей эры в политической жизни Парфии большую роль играет сакский княжеский род Суренов. Сурены, по-видимому, владели Сакастаной (Сеистаном) и долиной р. Аргандаба, которая сохранила название Заранга, трансформировавшееся в Дрангиана.

Подготавливая этнографическую карту Средней Азии и сопредельных стран, А. В. Станишевский в годы войны обратил внимание на топонимику и, пользуясь поездками в Иран, собрал в Хорасане ряд интересных преданий, которые позволили ему выдвинуть новые гипотезы. К югу от Герата обитает таджикоязычная группа сури или зури. Ее местопребывание совпадает с областью господства сакского княжеского рода Сурен, и, возможно, современные сури, или зури, являются потомками Суренов.

В начале нашей эры парфяне вместе с сакскими племенами, возглавляемые Суренами, предприняли походы в сторону Индии, основав Индо-Парфянское государство. В качестве одного из правителей нумизматические данные указывают на царя Гундофара — одного из трех легендарных волхвов христианской традиции. Армянские источники сообщают несколько другие сведения. По этим данным, парфянская царская династия распалась на два крыла: западное, сохранявшее название Аршакуни (Аршакиды), и восточное, разделившееся в свою очередь на четыре ветви: Карени-Пахлав, Сурени-Пахлав, Аспахапети-Пахлав и царствующий род Аршакидов. Ветвь Сурени-Пахлав отделилась от государства Аршакидов и, продвинувшись в Северную Индию, основала Индо-Парфянское государство. Махабхарата помещает Пахлавов-Бахликов где-то неподалеку от дардских народов. Известный норвежский лингвист Моргенстьерне считает, что парфяне имели связи и с Читралом. Таким образом, Припамирье оказывается втянутым в круг этногенетических процессов, связанных с парфянами. Потомками парфян, сохранившими языки, входящие в парфянскую группу, являются племена бараки (ормури) и парачи. Бараки обитали в районах, примыкающих к Джелалабадской долине и в Вазирастане. Парачи сохранились в долине Панджшира и, возможно, дали свое имя Парачинару в бассейне Инда.

К парфянской языковой группе в Иране принадлежит в числе прочих народность семнани, обитающая на границе Хорасана с Центральным Ираном. Характерно, что памирские предания говорят о приходе уже в мусульманский период основоположников династий, правивших

Шугнаном и оставивших наследников в лице маилитских ишанских родов. Сообщавший А. В. Станишевскому эти предания Хайдар Шо пояснил, что приход основоположников шугнанской правящей династии, возможно, следует отнести к значительно более древнему, домусульманскому периоду. Районом, откуда вышел Шои Хомуш, называют именно Семнан, населенный народностью парфянской языковой группы. И вот во время войны А. В. Станишевский находит ряд интересных шугнано-семнанских языковых сближений. 'Сердце' на персидском языке означает دل, по-таджикски 'дил', на семнанском языке 'зерд', шугнанском — 'зорд', а на парачи — 'зурд'. «Я знаю» по-персидски دانشتن, по-таджикски — 'донистан', но по-шугнански — 'взонум', а на семнани — 'зонум'. Эти языковые сближения заставляют вспомнить предания о переселении кочевого племени коневодов-парнов, из среды которых вышли Аршакиды. Родиной парнов называют восточные области распространения сакских племен.

А. В. Станишевский связал это с преданиями, рассказанными на Памире ишаном Шо-Хусейном относительно областей, где правил легендарный Сиявуш.

В горах, подступающих с юга к Таримской котловине, находилась столица Сиявуша по названию Ниса, славившаяся как центр коневодческих племен, совершавших на быстрых конях походы под предводительством Сиявуша. Тут невольно, как параллель, вспоминается парфянская столица Ниса в предгорьях Копетдага и «Ниса, богатая конями» — парфянский центр уже где-то на Иранском нагорье. Но памирские предания говорят о том, что коневоды восточной Нисы прошли на запад к Копетдагу через Памир, оставив в Бадахшане памятью о себе известную породу бадахшанских коней.

Побывав в окрестностях Семнана, в селениях, где обитает народность семнани, А. В. Станишевский обнаружил большое сходство астральных праздников семнанцев с замечательными народными праздниками Шугнана, о которых он писал в своей книге «По горным тропам».

В 1947 г. А. Станишевский снова посетил Памир и здесь продолжил сбор материалов, которые могли подкрепить гипотезу о парфяно-шугнанских связях.

Афганские предания говорят о том, что племя барак (парфянская языковая группа) участвовало в сложении тех афганских племен, в названии которых встречается суффикс — 'ак'. Это нельзя не сопоставить с замечанием И. М. Дьяконова о характернейшем среднеиранском суффиксе 'ак' в этнонимах кочевых восточноиранских племен.

Племя барак генеалогическими преданиями связывается с афганскими племенами дильзак, орак и вардак [4, 149].

В 1947 г. А. В. Станишевский услыхал от одного мунджанца предание о том, что отцом Барака был Зебак и потомки Зебака слились постепенно с мунджанцами, приняв их язык. Памятью о их происхождении остался только топоним Зебак в непосредственном соседстве с Ишкашимом на Западном Памире.

Во время работ на Памире в 1947 г. А. В. Станишевский неожиданно встретился с А. Н. Бернштамом, с которым последний раз они виделись в Киргизии еще перед войной. Два вечера они провели в Хорогском ботаническом саду у А. В. Гурского, беседуя об истории заселения Памира в древности.

Центральное место в этих беседах занимала древнейшая история бассейна Тарима, и А. В. Станишевский с благодарностью вспоминал далекие годы общения с А. Е. Крымским.

В 1927 г. в Киеве вышла книга А. Крымского «Розвіткі, статті та замітки». Там были собраны материалы по истории бассейна Тарима, накопленные Крымским в период с 1908 по 1925 гг. Как всегда, у А. Е. Крымского исчерпывающим был библиографический обзор работ по истории тохаров и саков, но, к сожалению, выводы оказались намного сжатыми по сравнению с тем, что в свое время рассказывал А. Е. Крымский, считавший, что бассейн Тарима был одним из важнейших очагов этногенеза ряда индоевропейских народов.

Собранные А. В. Станишевским во время путешествий записи преданий дополняли услышанное, и огромное значение бассейна Тарима в древней истории народов тохарской и скифо-сакской групп казалось совершенно бесспорным. Через бассейн Тарима тохары прошли в пору глубокой древности, может быть в III тыс. до н. э. Многие европейские исследователи связывали с приходом тохаров возникновение культуры Ян-Шао. Б. В. Горнунг относил обособление северо-восточной группы индоевропейских языков, включавшей протобалто-славянско-тохарские языки, к концу III тыс. до н. э. Причины, заставившие тохаров совершить такое передвижение, пока совершенно не ясны. В бассейне Тарима тохары оставили до сегодняшнего дня след в топонимике. Название известного озера Лоб-Нор восходит к тохарской основе. На тохарском «А» языке 'lар', 'вор' означает голова (сравни рус. 'лоб'). Помимо этого заметного названия в бассейне Тарима сохранилось большое число тохарских топонимов.

Плиний, перечисляя народы, населявшие бассейн Тарима, называет аттакоров или серов (uttarakurru старых индийских источников), тохаров и касиров, которые относятся к индийцам, но живут в сторону Скифии.

А. Н. Бернштам говорил о том, что «население Кашмира также сакского происхождения, т. е. тяньшанского и восточнотуркестанского. Эти племена не могли попасть с Тянь-Шаня в Кашмир, минуя восточные предгорья Припамирья» [3, 132].

— Остается только как следует продумать,— говорил А. В. Станишевский,— какими путями происходили передвижения населения в Припамирье? Какими маршрутами, куда и откуда двигались народности памирской и дардской языковых групп?

А. В. Станишевский находил ответ на такие вопросы легче других исследователей потому, что он сам прошел по большинству из этих горных троп. Вопросы расселения древних племен Станишевский ставил в прямую связь с природными условиями областей, через которые двигались эти племена.

Как известно, переход к кочевому скотоводству означал резкий скачок в развитии производительных сил древнейших скотоводческих племен. Этот переход к кочевому скотоводству мог, во-первых, осуществиться только после одомашнения лошади, когда облегчились условия передвижения на далекие расстояния. Во-вторых, переход к кочевому скотоводству мог осуществиться там, где в зимнее время имеются пастбища, не заваленные слоем снега. Наиболее благоприятными в этом смысле являются просторы бассейна Тарима. Осадков там выпадает чрезвычайно мало.

А. В. Станишевский собрал подробные расспросные данные у пастухов буквально всех областей бассейна Тарима. В районах Кериядарьи, в глубине песков Такла-Макан бывают периоды по два-три года, когда вообще осадков не выпадает. Бассейн Тарима удален от океанов и со всех сторон огражден гигантскими горными барьерами, перехватывающими атмосферную влагу. Располагается вся котловина бассейна Тари-

ма на высотах порядка 800—1600 *м* над уровнем моря. Урез воды в озере Лоб-Нор имеет отметку 780 *м*. Эта самая низшая отметка в бассейне Тарима. Отсюда скат постепенно повышается к западу в сторону Кашгара. Со всех сторон эту покатую равнину окружают мощные горные системы. На высотах 2500—4000 *м* над уровнем моря здесь повсюду развиты богатые альпийские луга.

Очень своеобразные процессы происходят в условиях высокогорья и в атмосфере. Углекислота, эта наиболее тяжелая часть воздуха, как бы стекает к подошвам горных хребтов. Повышенная концентрация углекислоты создает благоприятные условия для развития растительности у горных подошв, где, как известно, находится большинство сезонных осенне-зимних пастбищ кочевников.

Таким образом, в бассейне Тарима были все предпосылки для развития кочевого скотоводства, а наличие дикой лошади Пржевальского давало исходную форму для одомашнения лошади. Кстати, тут же находится родина и дикого верблюда, что давало возможность для его постепенного одомашнения.

Итак, если согласиться с гипотезой о том, что бассейн Тарима является одним из центров зарождения кочевого скотоводства, надо признать, что здесь были все условия для быстрого увеличения поголовья скота. А. В. Станишевский поясняет, что климат бассейна Тарима был немного более влажный и, что самое главное, гидрографическая сеть была значительно богаче. С горных склонов Куэньлуня и Тянь-Шаня сбегали многочисленные реки, получавшие ледниковое питание. Сейчас на месте этих рек зачастую остались только высохшие русла. Это вызвано постепенным сокращением площади ледников. Последний ледниковый период на Тянь-Шане закончился, по-видимому, около 20 тыс. лет тому назад, и с тех пор шло неуклонное сокращение ледников, что отнюдь не говорит о прогрессирующем усыхании Центральной Азии. Тут наблюдаются весьма парадоксальные явления: чем больше растет площадь песчаных пустынь в бассейне Тарима, тем больше происходит накапливание в погребенных толщах грунтовых вод. Впадина бассейна Тарима не имеет выхода во вне, она замкнута со всех сторон. Разрушение горных пород и снос щебня и песка горными потоками приводит к увеличению площади щебневых и песчаных пустынь. Здесь вода рек, стекающих с хребтов, уходит через легкофильтрующие слои песков и щебенки вглубь, и почти на всей площади пустыни Такла-Макан на близком расстоянии от поверхности (до 7 *м*) залегают прекрасные по своим питьевым качествам воды, не имеющие стока и предохраненные толщами песков от испарения. Растительность в этих пустынях молодая, еще не образовались те виды, которые при помощи мощной корневой системы извлекают воду с больших глубин. Поэтому транспирация грунтовых вод растительностью крайне невелика. Сухость атмосферы возрастает по мере того, как русла рек оказываются погребенными легкофильтрующими песками, а накапливание грунтовых вод, пригодных для использования в хозяйственной деятельности человека, возрастает все более. Такова схема климатических и гидрографических изменений в бассейне Тарима, предложенная А. В. Станищевским в его специальных географических работах.

Итак, 2000—3000 лет тому назад условия для развития кочевого скотоводства и каирного земледелия были несравненно более благоприятны. Численность стад возрастала, улучшалось питание человека, а это приводило к увеличению населения. Начался процесс расселения кочевых скотоводческих племен. Он шел в сторону Памира прежде всего, ибо в этом направлении преобладало широтное расположение хреб-

тов, что облегчало движение с востока на запад. Хребты, однако, не были непреодолимой преградой, и поток расселявшихся племен направлялся также к югу. А. В. Станишевский приводил в своих специальных работах объяснения, почему преодолевать хребты легче в направлении с севера на юг. На северных склонах дольше задерживаются снега, на них не падают прямые солнечные лучи. Нагрев горных пород солнечными лучами здесь намного меньше, чем на снежных склонах, и поэтому процесс разрушения горных пород протекает медленнее, нет подвижных каменистых осыпей и склоны менее круты, чем на юге. Обилие влаги благоприятствует развитию растительности, которая закрепляет горные склоны. На южных склонах снега быстро стаивают, образуя потоки, размывающие под большим углом горные породы. На северных склонах, где развита травянистая, кустарниковая и древесная растительность, образуются ручьи с малым углом падения. Пологие северные склоны легче преодолеваются, и подъем на них менее заметен, а для человека, попадающего в горы, психологически подъем всегда кажется более трудным, чем спуск. Широтное расположение хребтов облегчало их преодоление в поступательном движении племен с севера на юг. Исключительно хорошие кормовые качества травостоя на альпийских лугах давали возможность для выпаса стад и создавали условия для освоения памирских высей.

В 1957 г. в Ташкенте состоялась Всесоюзная конференция востоковедов. На пленарном заседании А. В. Станишевский выступил по ряду вопросов, связанных с историей Памира и Припамирья. Укором в адрес лингвистов звучало сообщение о том, что в долине Ванча недавно умерли последние старики, владевшие ванчским языком. Такая же судьба может постигнуть и носителей весьма интересных языков пахпу, пашпу и шихпу в бассейне Тарима. Никто из ученых не записал текстов на их языках, и единственным косвенным материалом являются записи топонимов этих районов, сделанные А. В. Станишевским. Сейчас, когда клика Мао Цзэ-дуна проводит курс на физическое уничтожение малых народностей и полную китаизацию их остатков, угроза исчезновения этих реликтовых языков особенно велика. На советской территории в Вахане жили старики, знавшие эти языки. А. В. Станишевский призывал лингвистов отыскать этих стариков, зафиксировать то, что еще сохранилось.

Два остальных вопроса, поднятые А. Станишевским в выступлении, были связаны с восточнопамирскими киргизами. По-видимому, ареал распространения племен — носителей эпоса о «Манасе» был несколько шире современного. В частности, А. В. Станишевский указал, что у тюркоязычного племени в долине Хаш в Бадахшане сохранились очень интересные сказания, прямо перекликающиеся с отдельными эпизодами «Манаса».

В 1964 г. Андрей Владимирович завершил работу над созданием аннотированной библиографии трудов по истории Афганистана, о которой он упоминал на Конференции востоковедов в 1957 г.

Всего аннотированной библиографией охвачено свыше 2500 работ (к сожалению, эта библиография до сих пор не издана и хранится только у автора в картотеке). Труды по афганскому Памиру и Припамирью выделены в самостоятельный раздел. Особый интерес представляет обзор более 350 работ по вопросам этногенеза тесно связанных между собою народов Памира, Афганистана и Дардистана (и эта работа осталась в рукописи, вернее, в рукописной картотеке).

Есть две проблемы, над которыми продолжает трудиться Станишевский. Первая из них — попытка объяснить происхождение этносоци-

альной группы хайраби, имевшей особый вес в Вахане. Ученый обратил внимание на то, что название Хайраби носят теснины, контролирующие пути из долины Свата в Читрал, из Среднего Канжута в Верхний, из области расселения афридиев в Джелалабадскую долину и даже на одном из старинных маршрутов в Восточном Хорасане. Для завершения работы над проблемой хайбари надо побывать в Вахане.

Вторая проблема связана с анализом топонимов древнеиндийской космогонии. Индийские источники начала нашей эры центром Джамбудвипы считали Памир. Основные материки индийской космогонии сохраняют в своих названиях имя Кушан и Комедов. Расшифровка терминологии древнеиндийской космогонии может пролить новый свет на историю древнейших этнических передвижений в районе Припамирья.

«Я остаюсь верным памирской теме и заветам моих учителей, наметившим вехи того, что сделано мною,— говорит Андрей Владимирович.— Поэтому я снова и снова возвращаюсь к Памиру и на Памир».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бируни Абурейхан, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957.
2. Баранов П. А., Памир и его земледельческое освоение, М., 1940.
3. Бернштам А. Н., Саки Памира,— «Вестник древней истории», № 1, 1956.
4. Дьяконов И. М., История Мидии, М.—Л., 1956.
5. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.
6. Наршахи Мухаммад, История Бухары, Ташкент, 1897.
7. Ниалло Аз., По горным тропам, Ташкент, 1933.
8. Ниалло Аз., Страна затерянных гор, М., 1935.

8а. Ниалло Аз.,— «Проблемы востоковедения», № 6, 1960.

9. Пантусов Н. Н., Мусульманские мазары в г. Уч-Турфане и окрестностях его.— «Записки РГО по этнографии», СПб., 1909, т. 34.
10. Станишевский А. В., Полевые дневники, тетрадь 3.
11. ЦГА УзССР, ф. II-С, оп. 3, д. 680, лл. 15—16.